

Глазкова Светлана Николаевна

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КОНСТРУКЦИИ "ДВОЙНОЙ ИМПЕРАТИВ"

В статье анализируется характерная для русской коммуникации конструкция "двойного императива" в лингвокультурном аспекте и делается попытка рассмотреть в диахронии лексикон снижающих категоричность императивного высказывания этикетных клише.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2011/1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (8). С. 48-51. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2011/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.161.1'1

В статье анализируется характерная для русской коммуникации конструкция «двойного императива» в лингвокультурном аспекте и делается попытка рассмотреть в диахронии лексикон снижающих категоричность императивного высказывания этикетных клише.

Ключевые слова и фразы: прототипический императив; этикетное клише; категоричность; десенсибилизатор; ментальность.

Светлана Николаевна Глазкова, к. филол. н.

Кафедра филологии

Челябинский государственный университет, Миасский филиал

snglaz@rambler.ru

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КОНСТРУКЦИИ «ДВОЙНОЙ ИМПЕРАТИВ»[©]

Проблема императива является одной из наиболее дискуссионных в лингвистической литературе. Языковой статус категории императива связывается с изучением наклонения (Г. А. Золотова, В. В. Виноградов и др.), «речевого наклонения» (Г. Гийом) [5], с апеллятивной функцией, которую он выполняет (Д. А. Штелинг, А. П. Володин, Р. В. Пазухин, В. М. Донец и др.), грамматической функцией, ему присущей (М. Я. Блох, А. В. Бондарко, Г. А. Золотова, Н. А. Слюсарева), «семантикой императива и проблемой исчисления императивных форм» [4], интенцией (теория речевой деятельности и речевых актов). В Лингвистическом энциклопедическом словаре императив определяется как «повелительное наклонение, служащее для передачи приказа или просьбы, со специальной формой глагола 2-го лица единственного числа и 2-го лица множественного числа, а также формой побуждения (которую иногда называют «юссивом») к совершению совместного действия одним или несколькими лицами, включая говорящего» [5]. Мы придерживаемся общепринятой (узкой) трактовки императива и исследуем прототипический императив, эксплицирующийся прежде всего в специальных формах второго лица повелительного наклонения: 2Sg и 2Pl.

Несмотря на обилие работ, посвященных изучению императива с разных точек зрения, исследований прототипического императива в лингвокультурологическом аспекте явно недостаточно, тогда как специфика выражения побуждения выявляет особенности национального стиля коммуникации. Исследование национально-культурной специфики коммуникации в современном глобализующемся мире трудно переоценить.

Выражение прямого побуждения специфично для каждой культуры. Так, носители английского языка предпочитают употребление косвенных форм побуждения. Для русского коммуникативного этносталя характерно употребление прямых императивов. Прямое выражение побуждения с помощью прототипического императива считается не только приемлемым, но и предпочтительным в русской лингвокультуре (Т. В. Ларина, Л. А. Городецкая, К. Касьянова, И. А. Стернин, Ю. Е. Прохоров и др.). Это положение является исходным для данной статьи.

Незыблемое лингвистическое правило бытования императива в каждом языке - наличие средств смягчения его категоричности. Для десенсибилизации категоричности императива могут использоваться единицы всех языковых уровней. Значимыми для русской коммуникации являются морфемные (система суффиксов оценки, многочисленность диминутивов), фонетические (интонация существенна в русской коммуникации в силу ее высокой контекстности), морфологические (числовые формы императива; служебные части речи: частицы, модальные слова и пр.), лексико-синтаксические средства (этикетные клише, особые формы обращения, многообразие директивных моделей и др.). В данной статье в диахронии рассматриваются этикетные клише в рамках конструкции «двойной императив» через призму ментальных изменений.

Одно из типичных грамматических средств смягчения эксплицитного и категоричного русского императива представляет собой рассматриваемая конструкция, которую предлагаем назвать двойным императивом. Она видится нам уникальным, «русским» средством десенсибилизации категоричности «прототипического» императива. В обобщенном виде «двойной императив» можно представить формулой *Будьте добры (сделайте одолжение, пожалуйста и др.), сделайте действие X*.

Конструкция состоит из двух императивов (основного и дополнительного): императива предиката, содержащего глагол, связку или вспомогательный компонент в повелительном наклонении, т.е. прямого императива основного действия, каузируемого реципиенту; и десенсибилизатора в форме императива. Налицо лингвистический феномен: один прямой императив смягчается другим, тогда как во многих европейских языках избегают употребления даже одного прямого императива как невежливого.

*Второй императив в исследуемой конструкции можно назвать основным средством десенсибилизации императива, а его употребление - важной чертой национального стиля русской коммуникации. Даже некоторые привычные «смягчители», например, выражение не в службу, а в дружбу, являются, как кажется, усеченными императивными конструкциями типа Сделай не в службу, а в дружбу, подвергшимися речевой ре-
дукции до неполного предложения.*

Сравнение нескольких речевых реализаций просьб, приведенных ниже, подтверждает нашу точку зрения о смягчении одного императива с помощью другого как о коммуникативной норме и характерной черте русского национального стиля коммуникации.

Передайте (1). Передай (2). Передайте, пожалуйста (3). Молодой человек, передайте, пожалуйста (4). Будьте добры, передайте, пожалуйста (5).

Как видим, самая вежливая из приведенных выше фраз - фраза (5) с тремя императивами. Видимо, прямой императив глубоко является национально-специфичной формой выражения вежливого побуждения в русской коммуникации. Пренебрегая явной десемантизацией (это предмет другого исследования) второго императива, можно констатировать, что форма повелительного наклонения здесь не случайна. Искать причины такого явления следует в особенностях русской ментальности, национально-культурного кода, т.к. коммуникативное поведение людей является компонентом их национальной культуры, регулируется национальными нормами и традициями, которые имеют глубокие исторические корни. Как отмечал Э. Сепир, «чувство почти безграничной свободы, ощущаемое индивидом при пользовании своим родным языком, находится как бы на сдерживающем поводе у какой-то регулируемой нормы» [1, с. 137]. Эта регулируемая норма имеет социокультурную природу и в межкультурном общении предопределяется типом культуры, особенностями социальных отношений, являющихся, по мнению исследователей, важнейшими параметрами культуры (Hofstede 1984, 1991), культурными ценностями, которыми руководствуются носители данной культуры в повседневной деятельности, в том числе и коммуникативной. И. А. Стерниным коммуникативная культура понимается как фрагмент национальной культуры, отвечающий за коммуникативное поведение нации [2, с. 9].

Среди важнейших ценностей русской культуры, важных в ракурсе нашего исследования, можно назвать соборность, общинность, коллективность, искренность (см. Бердяев 1990; Тер-Минасова 2000; Шмелев 2002; Кочетков 2002; Крысько 2002; Касьянова 2003; Виссон 2003; Сергеева 2004; Прохоров, Стернин 2002; Кузьменкова 2005; Анна Зализняк 2005; Wierzbicka 1992, 1999 и др.). Общинность и соборность заключаются в приоритете общих, коллективных интересов, целей над личными. Это явление исследователи относят к национальным ценностям, определяющим все особенности русского менталитета (Воробьев 1997; Прохоров, Стернин 2002). Соборность отражена в наличии в сознании русского человека понятия «коллектив». Ученые практически единодушно относят русскую культуру к коллективистским. В коллективистских культурах важнейшими ценностями являются взаимозависимость и взаимопомощь, самопожертвование (Ларина 2009; Городецкая 2009). Видимо, близость отношений между людьми, характерная для русской, коллективистской, культуры, и соответствующий ей тип общения позволяют не задумываться о манерах, вести себя естественно, говорить прямо и обо всем, свободно проявлять эмоции, вмешиваться в жизнь других и находить при этом у них полное понимание (Савельева 1997; Стернин 2002; Шаманова 2002).

Набор уникальных национально-специфических коммуникативных категорий, их комбинация составляет культурный код. Важнейшими национально-специфическими стратегиями, стилевыми чертами, коммуникативными доминантами являются для русской коммуникации директивность, прямолинейность, искренность, открытость, импозитивность, инициативность, категоричность, а регулярное употребление конструкции «двойной императив» отражает эти черты русской коммуникации.

Вежливость сближения, характерная для русской коммуникации, не противоречит ее директивности, которая, как представляется, имеет обратную зависимость от коллективизма и теплоты, «личности» коммуникации, типичных для русского общения. Коллективизм как черта русской культуры имеет оборотной стороной коммуникативную уверенность в позитивной реакции на просьбу, пожелание, приказ, что и определяет директивность русской коммуникации этнически, культурно: в английской коммуникации, для которой свойственен индивидуализм, о чем многократно писали, изначально предполагается возможный отказ, отсюда редкое применение прямых императивов, восприятие их как невежливых (Ларина 2003, 2009). В основе импозитивности, как представляется, лежит соборность - мнение мира, общины, всеединое, а значит, правомерность давления коллективной точки зрения не требует доказательств, она априори верна.

Изложенное выше придает частотности императива статус ментальной обоснованности в русской коммуникации. В связи с тем, что дискутируемыми сегодня являются вопросы о смене, деформации, периферийных и глобальных изменениях русской ментальности, важным представляется рассмотреть изменение лексикона десенсибилизаторов императива в исследуемой конструкции, проанализировать историческую судьбу «двойного императива».

Представим сравнительно в виде таблицы некоторые выражения и слова, которые традиционно добавляли и добавляют к императиву русские коммуниканты в качестве этикетных клише. В правой колонке даны регулярно употребляемые вплоть до 90-х гг. XX века различные десенсибилизаторы императива, которые 1) частично архаизировались, 2) частично снизили употребительность, 3) напротив, не потеряли своей актуальности. Жирным шрифтом выделены не потерявшие употребительности в современных условиях «вторые» императивы. Во второй колонке перечислены некоторые десенсибилизаторы-неологизмы и ставшие актуальными выражения, которые заменили устаревшие этикетные клише. Многие примеры не приводятся, т.к. находятся за пределами литературной нормы.

Предлагаемый перечень далеко не полон, однако очевидно, что все клише употребляются в императивных формах 2Sg и 2Pl.

ЭТИКЕТНЫЕ КЛИШЕ-ДЕСЕНСИБИЛИЗАТОРЫ	
Регулярно употребляемые до 90-х гг. XX в.	Частотно употребляемые после 90-х гг. XX в.
<i>Будь(те) добр; -а; -ы (сделай действие X)</i>	<i>Не будь идиотом (дурой) (иди в белых)</i>
<i>Будь(те) добреньки, -а (сделай действие X)</i>	<i>Не валяй (те) дурака (Ваньку) (кончай орать!)</i>
<i>Будь(те) (так) любезен; -а; -ы (сделай действие X)</i>	<i>Не строй из себя героя (фифу и др.)</i>
<i>Не сочти(те) за труд (сделай действие X)</i>	<i>(не хватай полное ведро)</i>
<i>Сделай(те) милость (одолжение) (сделай действие X)</i>	<i>Не глупи (те) (подожди немножко)</i>
<i>Соблаговоли(те) (сделай действие X)</i>	<i>Не парься (тесть) (отдай - и все дела)</i>
<i>Будь(те) человеком (людьми) (сделай действие X)</i>	<i>Не тупи (те) (отвечай!)</i>
<i>Уважь(те) старика (человека, старушку и др.)</i>	<i>Не корчи из себя героя (фифу и др.) (иди домой)</i>
<i>(сделай действие X)</i>	<i>Давай (те) без фанатизма</i>
<i>Сделай(те) даме (человеку, бабушке и др.) приятно</i>	<i>(без глупостей, по обычной схеме и др.)</i>
<i>(сделай действие X)</i>	<i>(носи по полведра)</i>
<i>Слушай (те) (сделай действие X)</i>	<i>Не пори горячку (потерпи)</i>
<i>Не откажи(те) в любезности (сделай действие X)</i>	<i>Успокойся (не руби плеча)</i>
<i>Прости(те) за беспокойство</i>	<i>Не дрейфь (не хандри) (делай, как решили)</i>
<i>(за просьбу, за вторжение и др.) (сделай действие X)</i>	<i>Не в кишии (усеченный императив сделай не в кишии)</i>
<i>Извини(те) за беспокойство</i>	<i>(принеси сюда)</i>
<i>(за просьбу, за вторжение и др.) (сделай действие X)</i>	<i>Подожди (те) (не торопись)</i>
<i>Прости(те) (сделай действие X)</i>	Не очкуй (заходи)
<i>Окажи(те) любезность (услугу и др.)</i>	
<i>(сделай действие X)</i>	
<i>Не откажи(те) себе в удовольствии</i>	
<i>(сделай действие X)</i>	
Не откажи(те) (сделай действие X)	
Пожалуйста (сделай действие X)	
Будь лаской (другом) (сделай действие X)	
Слышь (-ка) (сделай действие X)	
Сделай(те) для меня (как ты умеешь и др.)	
(сделай действие X)	

Этимологической справки по его «императивному происхождению» требует самый частотный десенсибилизатор директива в русской речи - слово «пожалуйста». Мы разделяем одну из версий на происхождение слова пожалуйста, приведенную в Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера [3, с. 741], согласно которой это - форма 2 л. повелительного наклонения пожалуй с усилительной частицей *-ста* и пожалуйста 2 л. мн. ч. (М. Фасмер в свою очередь ссылается на Ягич, Будде, ИОРЯС, Потеня и Халанского).

Выражения из второго столбика таблицы могут вызывать сомнения: на первый взгляд некоторые нельзя отнести к десенсибилизаторам. Однако все они являются коммуникативными синонимами слова «пожалуйста», следовательно, функция смягчения категоричности императива частично сохраняется.

Сравнительный анализ показывает, что, с одной стороны, набор однозначных, чистых «смягчителей» уменьшился, многие утрачены, новых возникло и актуализировалось немного (например, выражение *не в кишии* - актуализировалось из «фени»). *Пожалуйста* (самый частотный десенсибилизатор), все чаще опускается, т.е. даже традиционные «смягчители» употребляются реже. Это свидетельство изменения коммуникативного узуса - утраты типичных десенсибилизаторов. Другая тенденция такова: традиционные средства выражения второго императива трансформируются. Новые выражения, применяемые в контекстном окружении императива, зачастую синкретичны, используются не только и не столько для смягчения, но и с дополнительной коммуникативной целью: привлечь внимание, приободрить, придать статус правильности происходящему или предполагаемому, желательному действию. Тенденция же к употреблению без камуфлирования волеизъявления не только действует, но и укрепляется.

Итак, форма императива глагола, называющего основное действие, остается господствующей в формировании побуждения. Форма повелительного наклонения второго императива остается востребованной. Однако используемые императивные выражения свидетельствуют не только о сохранении выявленной тенденции, следовательно, о сохранении директивности русской коммуникации, особой «русской» вежливости, но и 1) о снижении корректности в современной разговорной речи; 2) об усложнении, видоизменении смягчения, прагматическом усложнении, обогащении его дополнительными смыслами при сохранении исконной формы императива. Можно выдвинуть гипотезу о возникновении явления, противоположного исторически сложившейся десемантизации второго императива, т.е. его семантизацию.

Лингвистический материал показывает, что сопровождающие императив комментарии, контекстные сопровождающие компоненты, приведенные выше, и разрушают, и сохраняют конструкцию «двойного императива», одновременно и усиливают, и уменьшают категоричность императива. Этот лингвистический факт, видимо, свидетельствует не только о сохранении директивности современной русской коммуникации, но и о ее высокой аксиологичности, эмотивности, тенденции к снижению нормы, трансформации и частичном разрушении коммуникативных норм русской вежливости. С одной стороны, это соответствует духу национального стиля коммуникации с пренебрежительным отношением к нормированности и формализации общения (и эта тенденция усиливается), с другой стороны, говорит о процессах, связанных с ментальными изменениями в России, об «истончении» среднего класса - многочисленного слоя носителей языка, о недопустимо пренебрежительном отношении к национальному достоянию - языку.

Обобщим сказанное и сделаем некоторые выводы. Конструкция «двойного императива» представляет собой прототипический императив - глагол в повелительном наклонении - в сочетании со вторым императивом - словоформой, либо словосочетанием, либо фразеологической единицей, которая используется русскими коммуникантами для смягчения побуждения, как десенсибилизатор директивности. Прямой императив является конструкцией вежливого общения, что составляет специфику русской коммуникации. Употребление во многих речевых ситуациях косвенного директива (вопросительного высказывания и др.), как это принято в других лингвокультурах, например, в английской, неуместно, кажется искусственным для носителей русского языка. Невежливым для русской коммуникации считается пренебрежение десенсибилизатором в условиях применения прототипического императива.

Коммуникативная нормированность использования прямых императивов отражает глубинные черты русской ментальности: соборность, общинность, коллективизм, что составляет специфику национально-культурного кода русских. Конструкция «двойного императива» сложилась в языке не случайно: она является отражением директивного характера русской коммуникации. Конструкция «двойного императива» в современном русском языке сохраняется, как сохраняется и директивный характер русской коммуникации.

Анализ динамики компонентов исследуемой конструкции наглядно демонстрирует, что прямой императив по-прежнему остается предпочтительным, а зачастую единственным средством выражения побуждения в современном русском языке. Он считается наиболее приемлемой формой для выражения повеления в любой прагматической ситуации, независимо от социального статуса, степени образованности, возраста коммуниканта. Традиционные средства смягчения категоричности (пожалуйста) императива употребляются реже, некоторые практически утрачиваются (*будьте любезны* и др.).

Для многих носителей языка (особенно представителей класса ниже среднего) старые сенсibilизаторы кажутся архаичными, они заменяются на новые. В новых сенсibilизаторах сохраняется форма императива, что говорит об устойчивости импозитивного, директивного характера национального стиля коммуникации. Новые сенсibilизаторы обладают высокой аксиологичностью и эмотивностью, в основном имеют сниженную маркировку, что свидетельствует об опасной тенденции «огрубления» современного русского языка.

Итак, изменения, произошедшие в применении и построении «двойного императива» в русской коммуникации, видимо, лежат в русле «ужесточения» обоих императивов (подтверждения нормированности их употребления, сохранения и усиления директивности русской коммуникативной культуры) с частичной трансформацией второго императива-десенсибилизатора и приобретения им дополнительных прагматических оттенков.

Список литературы

1. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / под ред. А. Е. Кибрика. М., 1993.
2. Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж, 2003.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М., 1971. Т. 3. С. 741.
4. Храковский В. С. Семантика и типология императива. Русский императив / В. С. Храковский, А. П. Володин. М., 2001. С. 109.
5. **Языкознание:** большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998. С. 321.

DYNAMIC PROCESSES IN THE CONSTRUCTION “DOUBLE IMPERATIVE”

Svetlana Nikolaevna Glazkova, Ph. D. in Linguistics

*Department of Philology
Miass Branch of Chelyabinsk State University
snglaz@rambler.ru*

In the article the characteristic Russian communication construction of “double imperative” is analyzed in linguistic-cultural aspect. The author tries to consider the lexicon of etiquette cliché which reduce the categoricity of imperative statement in diachrony.

Key words and phrases: prototypical imperative; etiquette cliché; categoricity; desensitizer; mentality.